

Без России Грузии могло бы и не существовать

О Георгиевском трактате 1783 года

Споры историков об этом договоре, заключенном между Российской империей и Восточной Грузией (Картло-Кахетией), по-видимому, не утихнут никогда. Основания для дискуссий дает не только сам документ, но и международная ситуация, его породившая и непосредственно влиявшая на ход его осуществления.

С конца 1770-х годов общеполитическая обстановка в Закавказье приходит в состояние дисбаланса в связи с кончиной персидского правителя Керим-хана Зенда (1779) и очередной вспышкой в Иране большой междоусобной войны. Ею поспешили воспользоваться все, кто имел давние интересы в южной части черноморско-каспийского пространства. Борьба за шахский престол автоматически становилась международной проблемой. Каждый более или менее реальный претендент на это место, в целях обеспечить себе убедительный перевес сил над своими соперниками, стремился заручиться поддержкой внешних союзников.

Разумеется, Россия и Турция, как великие державы, представляли особую значимость; однако и более мелкие фигуры тоже были в цене. Те, кто оказывал союзнические услуги соискателям шахского статуса, делали это небескорыстно, отдавая предпочтение ставленнику, который не поспежит на оплату собственного пути к власти.

Все это превращало Закавказье в арену сложнейшей борьбы и одновременно в многолюдный политический рынок, где продавцы и покупатели, конкуренты и союзники, друзья и враги менялись местами быстро, часто, неожиданно. Дело еще больше запутывалось тем обстоятельством, что друг на друга накладывались, образуя некие сообщающиеся сосуды, два внутренне крайне противоречивых процесса с одними и теми же участниками: борьба за объединение Ирана под сильной властью и борьба за гегемонию в Закавказье.

Наиболее заметными действующими лицами (разумеется, не считая России и Турции) здесь были грузинский царь Ираклий II и Ага-Мухаммед-хан Каджар — самый перспективный из претендентов на шахское достоинство. Первый видел свою цель в предотвращении полного распада восточногрук-

ДЕГОЕВ Владимир Владимирович — профессор МГИМО(У) МИД России, доктор исторических наук.

Ключевые слова: Россия, Грузия, Дагестан, Иран, Закавказье, Георгиевский трактат, внешняя политика, региональная империя, грузинская государственность, военный набег.

зинского царства, второй — в воссоздании сильного Ирана. Оба решали задачу методом экспансии, нацеленной на одни и те же объекты. Особенность этого соперничества заключалась в отсутствии почвы для компромиссов: выживание одного государства, с точки зрения его правящей верхушки, могло быть достигнуто лишь за счет гибели или поглощения другого. Шансов на такой прискорбный исход было гораздо больше у Картло-Кахетии, чем у Ирана. Ее деградировавшая политическая элита делала все, чтобы они стали еще выше.

Однако сложная загроможденность закавказской геополитической арены этим не исчерпывалась. Там имелись довольно крупные региональные игроки (к примеру, дербентский и карабахский ханы), которые тоже вели между собой борьбу за господство в Восточном Закавказье.

Все эти перекрещивающиеся конфронтационные линии порой еще больше запутывались обостряющимися русско-турецкими противоречиями. Петербург и Стамбул получили возможность более или менее свободно маневрировать на этом пространстве, спекулируя на острой заинтересованности местных игроков во внешней поддержке. В то же время и последние умело балансировали между великими державами, тем самым создавая им проблемы и ограничивая их свободу действий.

Время от времени закавказская обстановка оказывалась на грани полного хаоса благодаря грубому вмешательству дагестанских ханов, преследовавших собственные цели. Эти правители представляли внушительную силу потому, что, не имея сколько-нибудь значительных собственных («регулярных») войск, они могли, используя разные стимулы, мобилизовать военный потенциал вольных обществ (в основном лезгинских и аварских).

Наличие такого мощного резерва делало шамхала тарковского, уцмия кайтагского, ханов аварского и дербентского деятельными участниками острых перипетий закавказской политики. Впрочем, победы одних над другими, достигнутые на отдельных участках регионального политического поля с помощью вольных обществ, носили временный и локальный характер. Фундаментально повлиять на течение больших исторических процессов они не могли.

В дагестанском вмешательстве почти не было политической составляющей в точном смысле слова. Пожалуй, единственным исключением был Фетали-хан дербентский, потому что стратегическое положение Дербента, торгово-экономическое значение города, его богатое историческое прошлое и высокая культурная репутация служили невольным поощрением гегемонистских амбиций местного правителя. У его собратьев с куда более скромным историко-цивилизационным капиталом мотивы были иными: материальная выгода, поддержание личного престижа, оказание союзнической помощи, предполагаемой кровнородственными связями или двусторонними соглашениями.

Еще проще были стимулы, вдохновлявшие вольные общества. Тут главным являлась возможность получить денежную оплату и, в дополнение к ней, добычу, от чего они не могли себя удержать.

В принципе никто не был в состоянии укротить эту своенравную стихию или надолго подчинить ее собственным интересам. Не удалось это ни дагестанским ханам, которые брали на себя роль временных военачальников, если горцы признавали за ними соответствующие способности, ни тем, кто

нанимал их — закавказским правителям и османскому наместнику в Ахалцыхе¹ Сулейману-паше.

Едва ли не самый неудачный опыт использования горских ландскнехтов имел Ираклий II. Картло-кахетинский царь надеялся, что выплачиваемые им немалые суммы позволят, с одной стороны, застраховаться от лезгинских набегов, а с другой — осуществить свою амбициозную внешнеполитическую программу в Закавказье. Как выяснилось, деньги он тратил впустую. Не довольствуясь жалованьем, лезгины, находившиеся на царской службе, сами грабили грузинские села и не мешали своим соотечественникам заниматься тем же. Ираклий II был вынужден терпеть их как наименьшее зло.

Не намного больше власти над лезгинами имел Сулейман-паша ахалцыхский, также содержавший их на службе в качестве средства решения османских проблем в Закавказье. Но средство было ненадежным. Горцы охотно подчинялись указаниям султанского наместника, когда перед ними возникала перспектива захвата богатой добычи и пленников, которых можно было сбыть за приличные деньги либо увезти к себе домой, в Дагестан. Но когда Сулейман-паша, по соображениям высокой политики, пытался удерживать лезгин от набегов на тех, кто являлся на данный момент союзником Турции, это вызывало недовольство и неповиновение. Наместнику приходилось оправдываться перед пострадавшими от разбоев, ссылаясь на неукротимую строптивость горцев и тем самым признавая в своем бессилии контролировать их поведение.

Сулейман-паша, бывало, сам не мог дождаться момента, когда они покинут Ахалцыхский пашалык в связи с истечением срока найма. Правда, их своеволие иногда служило наместнику удобным прикрытием, позволявшим уйти от ряда обвинений (к примеру, со стороны России) и плести в Закавказье изощренные интриги, безнаказанно вовлекая в них лезгин, даже и не догадывавшихся об отведенной им роли. Что касается дагестанских правителей, то они, конечно, лучше других знали, как обращаться с высокой социальной энергией вольных обществ. Будучи сродни горцам по культуре, духу, этническому происхождению, ханы, уцмии, шамхалы понимали, что нужно не обуздывать эту энергию, а умело направлять ее к своим политическим или иным целям.

Тут, пожалуй, больше других преуспел Умма-хан аварский — умный, ловкий, хитрый правитель, который превосходил многих не только своими личными качествами, но и особым типом прагматизма — совершенно циничного и поэтому очень эффективного. Его, в отличие, скажем, от Феталихана дербентского или Ираклия II, не увлекали несбыточные политические проекты. Вместе с тем Умма-хан никого не отговаривал от подобных химер, а наоборот — поощрял их, чтобы повысить спрос на свою военную помощь и, естественно, ее стоимость. Его мало интересовало, кому помогать и против кого. Ему не нужны были чьи-то окончательные победы или поражения, которые упразднили бы заинтересованность в его услугах. Свою прямую выгоду Умма-хан видел в бесконечной войне всех со всеми, обеспечивавшей бесперебойное пополнение его казны и доходное поле деятельности для его войска.

¹ Территория в юго-западной части Закавказья, находившаяся в сфере влияния Турции.

Такая «ценностная» ориентация полностью отвечала духу и обычаям вольных обществ, чем и объяснялась их готовность подчиняться Умма-хану. Он являлся не столько правителем Аварии, сколько военным вождем горцев, и таковым мог оставаться до тех пор, пока не выходил за пределы этой функции, и пока ему сопутствовала удача. Умма-хан хорошо это понимал и, зная нравы своих соплеменников, не искал иного статуса.

Подобный, казалось бы, самый примитивный утилитаризм, если не сказать меркантилизм, давал аварскому хану огромное преимущество над дагестанскими и закавказскими политическими мечтателями, обуреваемыми планами строительства «суверенных монархий» и даже региональных империй. Далекий от этих фантазий, Умма-хан создал для себя весьма надежный плацдарм власти и влияния, основанный на жестких, осознанных политических самоограничениях, что, безусловно, свидетельствовало о наличии ума и безупречного социального чутья. Этот жертвенный отказ от политико-гегемонистских амбиций Умма-хан с лихвой компенсировал безудержной страстью к наживе — и в этом чувство меры зачастую покидало его.

Однако повторим: такой ценностный примитивизм превращал хана в сильного, независимого и повсеместно востребованного игрока не только в Дагестане, но и в Закавказье. Обладая обостренным инстинктом выживания, он сумел уберечься от соблазнов, перед которыми не устояли другие, и тем самым защититься от фатальных угроз, погубивших тех, кто искусился ложными и нереалистичными целями.

Умма-хан обрел мощь, власть и свободу выбора совсем не там, где это искали все его дагестанские и закавказские политические собратья. Он чувствовал свое очевидное превосходство над ними, особенно тогда, когда они, наивно полагая, что поставили Умма-хана на службу своим интересам, на самом деле служили его интересам. Правитель, обращавшийся к Умма-хану за помощью, с удивлением и негодованием обнаруживал, что он далеко не единственный, кто удостоился щедро оплаченного согласия. Многие боялись Умма-хана, не доверяли ему и одновременно не могли без него обойтись. Он тоже никому не доверял — но ни в ком не нуждался и никого не боялся.

Впрочем, было одно исключение — Россия. Внимательно следя за ее продвижением на Кавказ, аварский хан догадывался, что она не оставит региональную политику в том состоянии, в котором он чувствовал себя хозяином положения. Россия не скрывала своего намерения решительно бороться против набеговой вольницы и наемничества — главных источников ханских доходов, и это была самая большая опасность для Умма-хана.

Если аварцы лишались надежды продавать свое воинское ремесло и собирать добычу (или дань как ее разновидность), то исчезала потребность в ханском предводительстве, в самой личности вождя. Правда, оставался вариант перенацеливания военно-набеговой активности на другой объект — Россию. Однако это могло быть очень хлопотно, рискованно и нерентабельно.

Сообразительный Умма-хан прибег к довольно замысловатому маневру. Не питая к России, в отличие от других дагестанских владетелей, ничего, кроме страха и ненависти, он сделал вид, будто готов последовать их примеру и присягнуть на верноподданство. Расчет был на то, что Петербург, заинтересованный в прекращении горских набегов на его союзников в За-

кавказье — главным образом на Восточную Грузию, назначит Умма-хану солидное жалование в качестве скрытой формы отступных за его согласие отказаться от разбойничьих рейдов. При этом он, как человек алчный, надеялся взимать плату за то же самое и с Ираклия II. Из данной затеи поначалу ничего не вышло. Аварский хан неадекватно оценил ситуацию, решив, что с Екатериной II можно выстроить отношения на тех же сомнительных принципах, которые он навязал грузинскому царю.

Умма-хан имел влияние лишь на те вольные общества, что находились на территории Аварии, да и то не на все. Остальные горцы в выборе поприща для военной деятельности были предоставлены самим себе. Они составляли гигантский наемнический рынок, готовый обслужить любого закавказского правителя, преследующего какие угодно военные, политические или иные цели, при условии его платежеспособности. Когда у покупателя этих услуг деньги заканчивались, горцы тотчас переходили на систему самоокупаемости, от которой жестоко страдало незащищенное мирное население.

Впрочем, этой системой они не пренебрегали и при исправном поступлении жалования. Так, в 1779 году лезгины, вовлеченные в закавказские политические междоусобицы, щедро вознаградили себя, в дополнение к официальному довольствию, массовым разграблением Эриванского ханства. А в 1784-м они то же самое сделали с Карабахом, когда местный хан оказался не в состоянии заплатить им обещанное. Неспособность и зачастую нежелание нанимателей управлять арендованной для своих корыстных нужд машиной разрушения придавали борьбе за господство в Закавказье беспорядочный, непредсказуемый и крайне разорительный характер.

* * *

Ираклий II не мог не видеть всю рискованность применения в своих политических планах такого оружия, как лезгинское войско. И чем дальше шел процесс разложения грузинской государственности и анархизации местных феодальных элит, тем пагубнее становилась зависимость царя от горцев, над которыми он практически не имел власти. Увлечшись перспективой использования их в осуществлении проекта «Великая Грузия», Ираклий II слишком поздно понял, что на самом деле он нанял могильщиков этого проекта.

Для решения крупных военно-политических задач и достижения долгосрочных результатов наемники оказались бесполезными. Зато они довели до грани катастрофы социально-экономическую и демографическую ситуацию в Картло-Кахетии, вылившуюся в окончательное разрушение основ государственно-административного устройства. Кроме того, внешнеполитический экспансионизм, в котором Ираклий II надеялся преуспеть, опираясь на лезгин, стал для царя смертельным бумерангом. Против него образовалась коалиция восточнозакавказских и дагестанских правителей, использовавших военную силу тех же вольных обществ.

Потерпев полный провал в своей оборонительной и наступательной политике, Ираклий II был вынужден обратиться к России с просьбами о защите и спасении, которые становились похожими на мольбу. Если раньше он предлагал различные варианты союза, намекая, что его «огромное политическое влияние» в Закавказье и даже на Ближнем Востоке предполагает рав-

ноправное партнерство с Российской империей, то в 1782 году уже откровенно ставился вопрос о прямом протекторате над Восточной Грузией.

Как бы критически ни относилась Екатерина II к панкавказским проектам картло-кахетинского царя, она не могла себе позволить оставить единую Грузию без помощи. Дело было, конечно, отнюдь не только в православной солидарности. На первом плане у императрицы стояла собственная стратегическая программа. Религиозный и гуманитарный факторы служили в данном случае удачным подспорьем лишь постольку, поскольку Грузия логично вписывалась в эту программу. Правда, у Екатерины II были свои представления о способах и сроках ее реализации. Кардинально менять их государыне не хотелось.

Между тем, в конце 1782 года Ираклий II направил в Петербург официальное ходатайство о протекторате. Реагировать на него в срочном порядке ставляло совершенно отчаянное положение восточногрузинского царства, которым готовы были воспользоваться многие соперники России на Кавказе. Это был серьезный и преждевременный вызов для Екатерины II, когда на повестке дня стоял более актуальный и очень болезненный крымский вопрос. Решать его параллельно с грузинским означало рисковать войной не только с Турцией, но и с Ираном, где к власти уверенно шел очередной реставратор империи Ага-Мухаммед-хан, жаждавший восстановить ее «исторические» границы, включавшие Картлию и Кахетию.

Екатерина II приняла этот вызов. 24 июля 1783 года, незадолго до присоединения Крыма, между уполномоченными Ираклия II и князем Г. А. Потемкиным был подписан Георгиевский трактат². Согласно этому документу Восточная Грузия переходила под «верховную власть и покровительство монархов всероссийских», упразднялась ее зависимость от Ирана и любого другого государства. Ираклий II сохранял полную свободу внутреннего управления, но отказывался от самостоятельной внешней политики, делегируя России исключительное право защищать ее интересы в Закавказье.

В принципе Ираклий II не лишился возможности вступать в сношения с великими державами и соседними правителями, но подобные шаги царь должен был согласовывать с русскими властями на Северном Кавказе, руководствуясь «готовностью поспособствовать пользе государства (России. — В. Д.) во всяком случае, где от него то требуется будет». На преемников Ираклия II возлагалась обязанность при вступлении на престол испрашивать у российских императоров инвеституру, церемония предоставления которой включала «присягу на верность и усердие к Российской империи».

Со своей стороны Екатерина II давала ручательство «на сохранение целостности *настоящих* (здесь и далее курсив мой. — В. Д.) владений царя Ираклия, *предполагая* распространить такое ручательство и на такие владения, кои в течение времени, *по обстоятельствам*, приобретены и прочным образом за ним утверждены будут». Для обеспечения безопасности Восточной Грузии от внешних врагов предусматривалось размещение там двух русских батальонов с четырьмя пушками. Князья и дворяне Картлии и Кахетии приравнивались в правах и привилегиях к благородным сословиям России. Для реализации этого положения Ираклию II следовало предоставить в Петербург соответствующие списки, основанные на родословных

² Получил название по месту подписания — крепости Георгиевск на Северном Кавказе.

книгах³. Жителям Картлии и Кахетии гарантировалась свобода перемещения и поселения, а также торговые привилегии на всей территории Российской империи.

Внешне Георгиевский трактат выглядел как взаимовыгодный документ: Россия официально приобретала военный и политический плацдарм для распространения своего влияния в Закавказье, а Ираклий II получал гарантию защиты от внешних и внутренних врагов в условиях, когда его собственные возможности обеспечить ее оказались исчерпанными. Однако на деле все обстояло гораздо сложнее. Екатерина II, несмотря на свою решительность, понимала, что, открыто взяв ответственность за безопасность Восточной Грузии, Россия подвергла себя риску быть втянутой в закавказские дела в гораздо большей степени, чем это отвечало ее интересам, соблюдение которых для Ираклия II отнюдь не являлось приоритетной целью. Проблемы картло-кахетинского царя Екатерина II сделала собственными проблемами. Над ней нависла перспектива стать заложницей его амбициозных устремлений и дипломатических игр вне зависимости от их успешного или неудачного завершения.

Ираклий II действительно не оставил сомнений в том, что от этих игр он не откажется. Российский протекторат рассматривался им как новый способ достижения своих прежних гегемонистских целей. Один из главных пунктов Георгиевского трактата — об отказе Ираклия II от самостоятельной внешней политики — фактически остался лишь на бумаге. Царю на какое-то время, похоже, удалось убедить Екатерину II в целесообразности сделать ставку именно на него как единственную фигуру, через которую можно успешно осуществлять российскую стратегию в Закавказье. Действуя именем России и выставляя себя в роли проводника ее интересов, Ираклий II на самом деле вознамерился использовать изменившуюся ситуацию для реализации старого проекта «Великая Грузия».

Глубинная подоплека, на первый взгляд, смиренных просьб царя о российском покровительстве, быть может, ярче всего раскрывается в одной красноречивой, но подзабытой историками «детали». В ходе подготовки и согласования текста Георгиевского трактата грузинские уполномоченные хотели включить в титулатуру Ираклия II прямые указания на ареал распространения его политической власти. К этому ареалу были причислены, помимо Картлии и Кахетии, Самцхе-Саатабаго (Ахалцыхский пашалык), Казах, Борчало, Шамшадиль, Ках и Илису, ханства Шекинское, Ширванское, Гянджинское, Эриванское и «прочая».

Масштабы притязаний Ираклия II вызывают особое недоумение в свете еще одного примечательного факта. В свое время правитель Восточной Грузии, оказывается, не был коронован в качестве царя Картлии и Кахетии «по древнему на сей священный обряд установлению», что в глазах закавказ-

³ В этих книгах царица полная неразбериха, создававшая для Ираклия II сложные проблемы. Грузинская знать была чрезвычайно спесива и очень чувствительна к любому, даже кажущемуся ущемлению ее княжеско-дворянского достоинства, зачастую сомнительного происхождения. Далеко не все могли «юридически» подтвердить свою родовитость, а многие вообще считали для себя абсолютно унижительным утруждаться поисками подобных доказательств. Ираклий II, хорошо зная гонор своей аристократии, составлял требуемые Петербургом списки с особой осторожностью, опасаясь дать феодальной оппозиции лишний повод для раздражения и интриг против себя. Это еще раз говорило о непрочности его власти.

ских ханов, Ирана и Турции делало не вполне легитимной его власть даже над этими территориями. Данное обстоятельство не только не мешало ему претендовать на гегемонию в Закавказье, но, напротив, служило дополнительной мотивацией для политики мобилизации любых средств достижения цели.

Все сказанное наполняло Георгиевский трактат довольно странным и противоречивым подтекстом, еще более усугубленным правом свободного толкования документа, которое негласно оставил за собой Ираклий II. Получалось, что он формально признал себя вассалом Российской империи лишь для того, чтобы фактически построить свою собственную закавказскую империю.

К философскому примирению с подобной международно-правовой несуразицей Екатерина II оказалась явно не готовой. Сразу же учув в желании Ираклия II «удлиннить» свой титул отнюдь не только символический смысл, она благоразумно отвергла соответствующее предложение грузинских дипломатов. Тем самым императрица стремилась уберечься от необходимости платить за опасные эксперименты Ираклия II, а заодно напомнить ему о принципиальном различии между сюзереном и вассалом.

И все же картло-кахетинскому царю удалось поставить Георгиевский трактат на службу своим интересам. Ираклий II полагал, что русской императрице уже никуда не деться от обязанности поддерживать любые его действия в Закавказье. Спекулируя на этом, он перешел к еще более напористой политике в отношении своих соседей. Царя вдохновляла уверенность в том, что теперь, за спиной могущественного покровителя, можно позволить себе гораздо больше, чем раньше: России, поставленной перед фактом, будет невыгодно выяснять, прав ее союзник или нет, — и ей ничего не останется, как санкционировать его завоевательный курс.

Из Георгиевского трактата Ираклий II лучше всего запомнил тот пункт, который был прописан не самым четким образом. Его туманный смысл царь предпочитал прояснять для себя так, чтобы не пускать в свою душу ни малейших сомнений в готовности России к выполнению ее «священного долга» перед Грузией. Речь идет о якобы предоставленных Екатериной II гарантиях сохранения за Ираклием II его будущих территориальных приобретений. Выше мы не случайно дали дословную выдержку из соответствующего пункта (2-го артикула) трактата. Его формулировки действительно оставляют весьма широкий простор для истолкования. Но при всем при этом однозначными можно считать лишь гарантии «сохранения целостности *настоящих* (курсив мой. — В. Д.) владений царя Ираклия». Все остальное — не более чем «предположения» на будущее, где все должно было зависеть, как оговорено в тексте документа, от «обстоятельств».

Ираклий II почему-то решил, что право создавать такие обстоятельства предоставлено ему, а обязанность подчиняться им принадлежит России. Исходя из этого, он, прикрываясь российским протекторатом, стал действовать в довольно агрессивном политическом стиле, который явно намекал на перспективу применения силы для расширения территорий Восточной Грузии за счет ее соседей. Нужно признать, что, в отличие от русского правительства, Ираклий II мог совершенно четко сформулировать свои планы в Закавказье. У Петербурга же пока не было внятных представлений о том, что и как там следует делать.

Главный куратор кавказских дел Г. А. Потемкин то ли прожектствовал, то ли и вправду рассматривал всерьез идею создания сильного христианского государства в Закавказье, которое представляло бы собой некую региональную версию Греческого проекта Екатерины II. Но идея была сырой и скорее всего — глубоко утопичной. Из какого политического, этнического, социокультурного материала строить такое государство в мозаичном регионе, раздираемом неисчислимыми противоречиями? Что, кроме религии, будет служить там для России надежной опорой? Удовлетворит ли подобный сценарий многочисленное мусульманское население? Не окажется ли это искусственное образование тяжкой обузой для Российской империи и ее политики на Востоке? Не слишком ли рискованную ответственность берет на себя Петербург в отношении страны, где социально-политический развал на фоне сепаратистских дряг в семье одряхлевшего Ираклия II набрал необратимую силу?

Ответов на эти вопросы не было ни у кого. Перед лицом всегда неведомого будущего Екатерина II предпочитала поддерживать в своей «большой стратегии» на Кавказе (как, впрочем, и на других направлениях) рациональный и, по возможности, эффективный баланс между каноном и импровизацией. В одном императрица была уверена аб-

Екатерина II предпочитала поддерживать в своей «большой стратегии» на Кавказе рациональный и, по возможности, эффективный баланс между каноном и импровизацией. В одном императрица была уверена абсолютно — в своем нежелании идти на поводу у тех, кто, умоляя о спасении, меньше всего думал о том, во что это обойдется спасателю.

солютно — в своем нежелании идти на поводу у тех, кто, умоляя о спасении, меньше всего думал о том, во что это обойдется спасателю.

Георгиевский трактат испугал азербайджанских и дагестанских ханов. Он существенно менял геополитическую обстановку в Закавказье в пользу России, получившей официальную санкцию на постоянное военное присутствие в Восточной Грузии, откуда она могла нанести удар в любом направлении. Местные правители боялись потерять свою власть и богатство. Их позиции были крайне уязвимы и со стороны агрессивных соседей, и со стороны недовольных «подданных». Никто из них не мог существовать без внешней помощи и системы союзов. Это была не бог весть какая гарантия безопасности, но теперь и она оказывалась под большим вопросом.

Дагестанские вольные общества и их вожди (вроде Умма-хана) в принципе не испытывали страха ни перед кем, в том числе перед Россией. Но их совершенно не устраивало появление русских войск в Грузии, согласно Георг-

гиевскому трактату. Во-первых, это избавляло Ираклия II от необходимости нанимать горцев, во-вторых, давало ему средство для борьбы с набегами. Для разбойничьих отрядов вольготная жизнь в Закавказье заканчивалась.

* * *

Русско-грузинский союз не только вселил тревогу в дагестанских владетелей, но и растравил их аппетиты. Если Фетали-хан дербентский со страхом ожидал от России своего низвержения, то, к примеру, тарковский шамхал Бамат, подтверждая верноподданническую присягу Екатерине II, принесенную его предшественником Муртазали, ставил вопрос о повышении морального и материального вознаграждения за свою лояльность.

Дело в том, что Петербург официально уведомил правителей Дагестана и Восточного Закавказья о подписании договора России с Грузией как о важном событии (чем оно и было на самом деле). Возникло впечатление, будто Екатерина II заключила соглашение, которое ставило Ираклия II чуть ли не вровень с ней: ведь до этого никто из кавказских политических деятелей не удостоивался чести быть одной из договаривающихся сторон в международно-правовом акте столь высокого уровня. Это выглядело оскорбительно для шамхала и для его дагестанских политических собратьев, в глазах которых Восточная Грузия являлась их данницей. «Дабы чрез то не мог (Бамат. — В. Д.) осрамлен быть в народе здешнем (среди дагестанцев. — В. Д.)», шамхал фактически просил для себя такого же статуса покровительствуемого Россией, но почти равноправного союзника, какой был предоставлен Ираклию II.

Екатерину II смутила эта дерзость, и она отложила свой ответ на шамхальскую просьбу о подданстве на два года. Других дагестанских владетелей (кайтагского уцмия Амир-Гамзу и Умма-хана аварского) Георгиевский трактат также подвиг к тому, чтобы скорректировать свои отношения с Россией с наибольшей для себя выгодой. Они не прочь были заявить о своей лояльности, но при условии, что получат за нее никак не меньше Ираклия II. Об этом, в частности, «тонко» намекал в письме к Потемкину (начало 1784 года) Амир-Гамза, призывая отдать должное его решительному отказу от «денег и сокровищ», которыми уцмия соблазняла «противная сторона» (Турция, Иран и другие соперники России).

Что касается Умма-хана аварского, то он занял выжидательную позицию, чтобы выяснить для себя, в связи с Георгиевским трактатом, единственный вопрос: сколько готова заплатить ему Россия за его согласие прекратить разорение Грузии? Прикинув, что компенсация будет меньше прибыли от набегов, Умма-хан вернулся к старому занятию. И поступил по-своему рационально — ибо главный рычаг его влияния на горцев был именно в этом. Пойти на сделку с русскими означало бы продать им свою власть. А она стоила дорого — во всяком случае, дороже, чем ее оценил Петербург. С другой стороны, прав был и князь Потемкин, полагавший, что горцы все равно не откажутся от набегового ремесла, сколько им ни заплатят.

Однозначно негативную реакцию трактат 1783 года вызвал у Порты, осознававшей, что Россия обзавелась сразу двумя плацдармами — Крымом и Грузией — для наступления на Турцию с разных сторон. Это заметно повлияло на характер османской политики на Кавказе.

Меньше всего новый статус Картлии и Кахетии устраивал Иран, всегда смотревший на них, как на свою историческую вотчину. Пока Ага-Мухаммед-хан вел тяжелую борьбу за власть, он не мог отвлекаться на проблему возвращения земель, принадлежавших шахско-имперской короне. Однако в том, что по достижении победы в этой борьбе Ага-Мухаммед-хан (как и любой другой на его месте) сосредоточится на «решении» грузинского вопроса, сомневаться не приходилось.

Стремление Ираклия II твердо придерживаться собственного толкования Георгиевского трактата и использовать союз с Россией исключительно в наступательных целях создаст в Закавказье взрывоопасную ситуацию, которая через несколько лет обернется трагедией и для самого грузинского царя, и для его деградировавшего государства.

* * *

В 1795 году Ага-Мухаммед-хан во главе 70-тысячного войска осадил Тифлис. Часть армии Ираклия II мужественно защищалась. Царь, невзирая на престарелый возраст, находился в центре событий, вдохновляя своим присутствием тех немногих, кто еще не утратил чести и был способен поддаваться этому вдохновению. В храбрых глазах старца, идущего на свой, быть может, последний бой, не было и тени намека на тот животный страх и жалкий вид, который два века спустя явил всему миру совсем другой грузинский лидер, завидев высоко в небе крохотную, похожую на самолет точку и решив, что из нее уже выстрелили ракетой по бесценному достоянию современной грузинской демократии.

Однако против Ираклия II были не только персы, но и его собственная, политически расколотая и разбегающаяся армия. В результате перевес оказался на стороне противника, и город был взят. Что произошло потом, вызывает лишь содрогание. Тифлис и Восточная Грузия были разграблены дотла. Персы подвергли тотальной резне более 10 тысяч мирных жителей столицы, сбросив потом их тела в Куру, которая, как писал очевидец, стала бурой от крови. Сцены патологической жестокости персов, потерявших человеческий облик, лишают метафорического оправдания и заставляют звучать с еще более отвратительным цинизмом слова «на войне, как на войне». Лишь у горстки историков находятся душевные силы, чтобы описать этот кровавый кошмар.

Но эти силы иссякают и у них, когда речь заходит о мерзких надругательствах персов над православными святынями Грузии. О характере этих бесчинств можно лишь догадываться, зная, на какую вакханалию способна разъяренная и опьяненная кровавым дурманом толпа вооруженных и, возможно, не вполне трезвых людей.

Более 100 тысяч грузин были уведены в рабство, чтобы уже никогда не увидеть своей родины. Значительная часть их была распродана на восточных невольничьих рынках. Население страны сократилось до катастрофически малых величин, чреватых вымиранием народа. А разграбленные хозяйства создавали реальную перспективу гибели от голода.

Это была не только национальная трагедия неслыханного масштаба, но и, быть может, самая позорная страница в истории Грузии. Трудно поверить в то, как вели себя многие «доблестные» защитники Тифлиса, то есть военная знать, потомки витязя в тигровой шкуре, бросившиеся из города наутек,

едва услышав о приближении Ага-Мухаммед-хана. Но самое невероятное происходило по пути бегства этих «витязей», предавших испепеляющему грабежу дома и сельскохозяйственные угодья крестьян, обрекая их на непредсказуемую зиму и весеннюю бескормицу.

А что же Ираклий II? На какое-то время он принял затворничество в одном из монастырей, где искал в себе силы пережить трагедию страны и народа. В том, что это была его глубоко личная трагедия, не может быть сомнений. Когда-то он знал времена величия. Когда-то его переполняли высокие имперские побуждения, призванные возвести Грузию в ранг властительницы пространства от Черного моря до Каспия. Но история умеет отказывать даже незаурядным правителям в их одержимых проектах, обращая их в грезы. Не об этом ли думал Ираклий II, прислонившийся к холодной монастырской стене и укрытый простой овчиной?

Грузинского государства больше не было. Да и существовало ли оно когда-либо в полноценном виде, если не считать затерявшиеся в веках короткие (по историческим меркам) вспышки его могущества? В грустных мыслях царя, возможно, нашлось место для размышлений над тем, что иначе, как парадоксом, не назовешь. Народ, создавший великую культуру, экспортировавший в соседние страны соотечественников, сразу же занимавших верхние этажи власти в администрации и армии, оставивших ярчайший свет в истории этих стран, оказался генетически неспособным построить собственное государство. А вот в «искусстве» его разрушения грузины превзошли почти всех своих соседей. Пограничный с Восточной Грузией Иран переживал еще и не такое. Но почему-то выстоял. Пусть и не в имперском виде, но в статусе крупной и влиятельной региональной державы с хорошими перспективами подняться еще выше.

Худо-бедно сохранили некое подобие политий северокавказские этносы, а Шамиль даже попытался построить свое государство, хотя и из весьма непрочных политических, экономических, культурно-идеологических материалов, слишком примитивная конструкция которых весьма быстро привела во многом уникальное творение имама к закономерному распаду.

Для Восточной Грузии XVIII век заканчивался полным системным крахом. Оставалась надежда на Российскую империю, без вмешательства которой (можно с уверенностью сказать) грузинские земли были бы обречены на болезненный, хирургический раздел между Ираном и Турцией с более чем реальной перспективой бесследно раствориться в ирано-тюркском культурном и этническом мире навсегда. Современная внутренняя жизнь этих государств не оставляет в этом ни малейшего сомнения. ◆